

М. БАВОВИЧ

СУДЬБА ДОБРА И КРАСОТЫ В СВЕТЕ ГУМАНИЗМА ДОСТОЕВСКОГО

Уже целое столетие русское и мировое литературоведение, образно говоря, разгадывает загадку творчества Достоевского. В этом многолетнем и полифоничном толковании наряду с блестящими по выводам и анализу трудами появлялись и работы, свидетельствующие о явном непонимании подсудного смысла символики поэтического видения великого романиста. Самое поразительное в его писательской судьбе то, что даже некоторые существенные и несомненные качества его творчества, в том числе и гуманизм, иногда ставились под вопрос. Н. К. Михайловскому, например, оценки Белинского и Добролюбова не мешали назвать Достоевского «жестоким талантом» и утверждать: «Мы <...> не только не видим в нем „боли“ за оскорбленного и униженного человека, а напротив — видим какое-то инстинктивное стремление причинить боль этому униженному и оскорбленному».¹ Это мнение повторялось и позже, в разных вариантах, а его сторонники не перевелись и в наши дни. В подтверждение своих тезисов они главным образом опирались на безмерность страдания и трагичности человека в мире Достоевского.

И в самом деле, Достоевский — художник исключительно трагического мироощущения. Это показывает простое сравнение его видения мира с творчеством других великих мастеров мировой литературы. Библейский Иов в награду за выстраданные испытания дождался до радостной старости. Одиссей после многих мытарств все-таки прибыл на свою Итаку. Гамлет обрел утешение в мести. Дон-Кихот отыскал спасение в иллюзии, заменившей ему действительность. Фауст свою мировую скорбь облегчает минутами созерцания природы. Жан Вальжан перед смертью видел маленькое счастье своей Козетты. Растиньяк Бальзака не

¹ Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., Гослитиздат, 1957, с. 234.

переживает подлинной трагедии, так как его внутренний мир расположен на координатах материальных ценностей. Буденброки и Форсайты страдают без соприкосновения с вечностью. Одни только герои Толстого — Безухов, Болконский и Нехлюдов — близки трагизму героев Достоевского. Правда, и здесь существует немалая разница: у героев Достоевского не было своего Аустерлица и Бородина. Кроме того, у Достоевского трагизм героя говорит не только о мере страдания, но и о природе и размерах души страдальцев. Соня Мармеладова мучается, в сущности, из-за потерянной чистоты. Раскольников становится убийцей и ради хлеба, и в силу желания определить стоимость самого себя: вошь ли он или Наполеон? Кириллов убивает себя с целью доказать, что бога нет. Итак, герой Достоевского живет не хлебом единым, не для карьеры, даже и не для семьи. Он почти всегда человек идеи и чувствует себя обязанным определить свою позицию по отношению к вечным проблемам жизни. Герой Достоевского — это человек, выведенный на орбиту вечности.

На этой высоте он неминуемо должен столкнуться с онтологическими, философскими, этическими проблемами, должен мучиться в попытках их теоретического формулирования и их применения к жизни. Он определяет границы своей воли и своей свободы, ищет смысл жизни, чтобы жить. Вечными предметами раздумий Достоевского и его героев были природа и судьба добра и красоты в мире, которые для них были явлениями не только эстетического, но и этического порядка.

Исходя из нормативно-логического критерия оценки явлений, добро и красота представляют собой высшие ценности, самые близкие к идеалу. Они — знак человеческой обособленности в природе. Ведь вне человека доброта не существует, а есть только действие закона самосохранения, закона биологического отбора. Доброта — феномен сознания, превосшедшего анимализм, она отпор индивидуализму, почин для других и, что важнее всего, почин, всегда направленный против собственных интересов, поэтому доброта, в сущности, является, до некоторой степени, антиприродной.

Что касается красоты, то она встречается в природе, но без сознания о себе. В людском обществе, как историческом явлении, красота, несмотря на всю многообразность, сводится к двум существенным видам: физическому и духовному совершенству. Герои Достоевского догадываются, что она в обоих видах — могучая сила и что она наряду с добротой представляет своеобразный архимедов рычаг, которым можно изменить мир. Это, в сущности, и есть значение лозунга: «Красота мир спасет!». Обращение это относится и к доброте, так как она — красота духа. Евклидовский разум, который измеряет ценности сопоставлением, доброту ставит выше красоты, потому что она не дается человеку

рождением, как физическая красота, а достигается лишь ценою подвига. Однако у Достоевского каждое суждение, как и всякая ценность, подвергаются проверке: всё проходит через горнило сомнения.

В поэтическом мире Достоевского раскрывается в ином свете природа добра и красоты. Уже первый его герой, Девушкин, жалуется: «Так знаете ли, Варенька, что сделал мне злой человек? А срамно сказать, что он сделал; спросите — отчего сделал? А оттого, что я смиреннький, а оттого, что я тихонький!» (1, 47). Эта жалоба отмечает факт: добрые не в состоянии защищаться от зла. Открытие это постоянно доказывается и в произведениях Достоевского, написанных позже. Так, например, в «Униженных и оскорбленных» поражение Ихменевых и Ивана Петровича обусловлено не только тем, что князь Валковский, богат и человек, имеющий связи, но гораздо больше тем, что он — бессовестный эгоист, а его противники — добрые люди, верующие в правду. Они воображают, что и все остальные люди похожи на них, и, таким образом получая неверное представление о мире, осуждают себя на неминуемое поражение. Валковский преспокойно грабит и оскорбляет дочь Смита и Ихменевых, зная, что они ограничатся одним «благородным негодованием» и «желанием плюнуть ему в лицо». Несмотря на сочувствие, Маслобоев с гневом упрекает жертв Валковского: «Э-эх! То-то все эти горячие и благородные! Никуда не годится народ! С князем не так надо было действовать <...> И он с досадой стукнул по столу» (3, 335). Итак, драма добрых людей происходит частично от нереальных представлений о мире и, главным образом, от благородства, которое не желает воспользоваться любыми средствами защиты. И наоборот, сила Валковского в его безнравственности. Злой князь уверен, что у него больше оснований презирать Ихменева и ему подобных, чем у них презирать и ненавидеть его. По его мнению, «шиллеровщина», под которой он понимает всякую поэзию, мечтательство, доброту, заслуживает только насмешки, и такой взгляд логически вытекает из «верую» Валковского: «Люби самого себя — вот одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сделка; даром не бросайте денег, но, пожалуй, платите за угождение, и вы исполните все свои обязанности к ближнему, — вот моя нравственность <...> хотя признаюсь, по-моему, лучше и не платить своему ближнему, а суметь заставить его делать даром. Идеалов я не имею и не хочу иметь; тоски по ним никогда не чувствовал. В свете можно так весело прожить без идеалов <...> Я на всё согласен, было бы мне хорошо, и нас таких легион <...> Мы существуем с тех пор, как мир существует. Весь мир может куда-нибудь провалиться, но мы всплывем наверх <...> Ведь мы <...> феноменально живучи <...> Значит, сама природа нам покровительствует...» (3, 365—366).

Эта исповедь вызывает многие недоумения, вопросы. Как уцелеть добрым и благородным в жизни, которую легион Валковских превращает в зверинец? Смогут ли они возродить мир, оставаясь нерешительными, в силу своей доброты? Иван Петрович не спасает Наташи и своей любви, а оставляет ее Алеше, и даже соглашается служить их счастью. С точки зрения Наташи, его поступок представляет высшее проявление самоотверженности: «Добрый, добрый Ваня <...> И ни слова-то о себе! Я же тебя оставила первая, а ты всё прости, только об моем счастье и думаешь. Письма нам переносить хочешь» (3, 197). Но у Достоевского правило: рассматривать каждое явление в разных аспектах. Поэтому Валковский смотрит на поступок Вани с удивлением и даже презрением: «...Алеша отбил у вас повесту <...> и вы, как какой-нибудь Шиллер, за них же распинаетесь, им же прислуживаете <...> Вы уж извините меня, мой милый, но ведь это какая то гаденькая игра в великодушные чувства <...> Даже стыдно. Я бы, кажется, на вашем месте умер с досады» (3, 358).

Некоторым исследователям казалось загадочным, почему Достоевский позволил цинику Валковскому судить доброту? В сущности, загадки нет, так как в изображаемом Достоевским мире это было нормальным явлением.

Судьба добра и красоты трактуется гораздо многограннее и глубже в «Идиоте». В центре романа — образ прекрасного человека, воплощающего собою максимальную душевную чистоту и добро. Мышкин отличается от своих предшественников как раз мерой доброты. В нем она доведена до идеальной степени. Одновременно это значит, что доброте предоставляется идеальная возможность проявить свою силу и эффективность. Если доброта Девушкина и Ихменева, замкнутая в одно благородное негодование против злых и подлых, не совершила ничего, то надо проверить, на что способна высшая мера доброты. Исходя из такой концепции героя, автор определил миссию князя Мышкина. В одной из записных книжек Достоевский пишет: «Главное то, что всем нужен»; «Он восстанавливает Н<астасью> Ф<илипповну>. Доводит Аглаю до человечности <...> Сильное действие на Рогожина и на перевоспитание его».² Князь, значит, должен был возродить среду, символизирующую мир. У него был только один способ и оружие — доброта, которая и есть самая могучая сила, какая только может быть на свете. Объективно говоря, Достоевский в судьбе Мышкина еще раз ставил на пробу силу добра. В повествовании романа герой постоянно оказывается в конфликтных ситуациях. Ганя оскорбляет его пощечиной, но вместо того, чтобы вызвать обидчика на дуэль, князь только упрекает его:

² Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. Под ред. И. И. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. М.—Л., ГИХЛ, 1931, с. 132, 137.

«О, как вы будете стыдиться своего поступка!» (VI, 105). Мышкин хорошо понимает, что Бурдовский его обманывает, и все-таки он отдает ему часть своего состояния. Князь чувствует, что Ипполит его ненавидит, и, несмотря на это, предоставляет ему свою квартиру и ухаживает за ним. И, наконец, он догадывается, что Рогожин одержим мыслью убить его, но это не помешало ему побрататься с ним. Итак, Мышкин, прощает обиды, жертвует своими интересами, любит даже и врагов своих, проща говоря, он поступает в полном согласии с евангельскими нормами. Однако логика повествования романа свидетельствует о том, что результаты поведения героя абсолютно не соответствуют целям его миссии. Как раз наоборот, его доброта заслужила у большинства знающих его людей презрительно-снисходительное отношение.

Хотя у Мышкина и не было противников типа Валковского, он не смог осуществить своей миссии. Автор реализовал только первую часть своего плана: создал образ идеального в моральном отношении человека. Вторая и более значительная часть замысла не получила своего воплощения: Мышкин не вылечил Аглаю от гордыни, не остановил страстного взмаха ножа Рогожина, не спас Настасью Филипповну. Напротив, все кончилось катастрофой, которая втянула в себя и доброго Мышкина. Вопреки ожиданию, герой превратился как раз в то, чего автор хотел избежать во что бы то ни стало: в несчастного, обаяние которого обусловлено людским состраданием к доброте, высмеянной и оскорбленной недостойными. Трагическая развязка поэтому с полным правом трактуется как поражение тезиса о том, что доброта — сила, которая может возродить мир.

В поэтическом видении мира Достоевского судьбу добра разделяет и красота. Еще до ссылки, в повести «Хозяйка», Достоевский создал образ красавицы Катерины, которую тиранит злой и сильный Мурин. В «Идиоте» проблема красоты органически связана с судьбой доброты. Героини романа, Настасья Филипповна и Аглая, воплощают собою предельную красоту. Достоевский говорит о Настасье Филипповне: «Эта ослепляющая красота была даже невыносима...» (VI, 73). Мышкин же уверяет Аглаю: «Вы так хороши, что на вас боишься смотреть» (VI, 70). Эти две оценки, автора и героя, определяют главным образом не природу красоты, а обаяние ее и силу ее влияния на человека. Концепцию природы красоты и ее назначения в жизни дефинирует Аделаида Епанчина. Всмотревшись в портрет Настасьи Филипповны, она говорит: «Такая красота — сила <...> с этакою красотой можно мир перевернуть» (VI, 73). Не может быть сомнения в том, что реплика героини выражает и авторскую позицию.

И действительно, красота Настасьи Филипповны покоряет всех, даже и женщин. Но никто, за исключением Мышкина, не

относится к ней соответствующим образом. Для Тоцкого и Епанчина она представляет не более чем желаемое наслаждение. Рогожин свое восхищение перед красотой не умеет выразить иначе как деньгами. Ему хочется купить красивую живую душу за сто тысяч рублей. Ганя также оскорбляет красоту торгашеством. Один Мышкин способен обожать красоту, которая, правда, воспринимается им как проявление красоты души. Автор взвешивает силу красоты Аглаи рядом фактов. Во-первых, ее обаяние отнесило роковую мощь денег в душе Гани Иволгина. Во-вторых, Ипполит делает покушение с целью обратить внимание Аглаи на его исповедь, то есть на свою любовь к ней. В-третьих, Аглая и в бесстрастном Мышкине как будто зажигает искорку страсти. Однако прекрасная Аглая никому не принесла счастья, и она так же далека от счастья, как и Настасья Филипповна и Мышкин. Трагизм их общая участь. В мире, изображаемом Достоевским, ни один вид красоты не мог изменить жизни, а наоборот, красота становится источником людского страдания и трагична, как и доброта.

В «Братьях Карамазовых» Достоевский не трактует больше красоту как преобразующую мир силу, а главным образом раскрывает другие ее качества и видоизменения. Драма добра и красоты продолжается в судьбах Алеши, Катерины, Илюши Снегирева. Она вызывает глубокие сомнения и дилеммы, которые нашли свое отражение во многих работах о Достоевском. Если доброта не в состоянии одолеть зла, то как же она, не победив его, может возродить человечество? Есть ли в доброте смысл, если она не приводит к добру? Почему то, что предлагает доброта, принимает вид подавания, которое не привлекает, а отталкивает? Почему Настасья Филипповна выбирает дикую любовь-ненависть Рогожина, вместо любви-сострадания доброго Мышкина? Недоумения приводили даже к утверждениям, что доброта, поддерживая слабых, отменяет закон натурального выбора и таким образом наносит вред обществу. Что доброта даже является своеобразным видом зла, уже тем самым, что своей незащищенностью вызывает сильных и злых на удовлетворение волчьего себялюбия и цинизма. Наконец, не больше ли не только смысла, а даже и добра в сопротивлении злу, несмотря на видимый отказ от доброты?

В заключение надо еще добавить, что не одного литературоведа смущал факт: почему Мышкин, вопреки своей откровенности, остается загадкой? Ведь Достоевский свой идеал душевной красоты воплотил в образе нездорового человека. Не в болезни ли корень и объяснение смирения Мышкина и его необычайного альтруизма? Ведь ни один из здоровых героев романа не поступает так, как Мышкин. Не выражает ли авторскую мысль Евгений Павлович в своем обращении к князю: «Я не согласен, и даже в негодовании, когда вас — ну, там кто-ни-

будь — называет идиотом; вы слишком умны для такого названия; но вы и настолько странны, чтобы не быть как все люди: согласитесь сами» (VI, 510). Тот факт, что в людском окружении романа, которое символизирует мир, Мышкин является исключением, мог внушить мысль о том, что его доброта не представляет нормального состояния человеческой природы. Впрочем, такое мнение давно уже высказано.

Однако высказанные дилеммы все же не могут опровергнуть значение и ценность добра и красоты для человеческого общества и для истории. Примеры их трагизма и поражения не должны приниматься как знак их бессилия, а прежде всего — как доказательство могущества зла, эгоизма, безнравственности и безобразия в жизни. На трагическую судьбу добра и красоты надо смотреть в первую очередь как на предупреждение о том, что борьбу против мирового зла надо планировать на долгий срок. Кроме того, поражение добра и красоты вряд ли может оправдать отказ от идеалов возрождения мира. Если бы человечество успокоилось на сознании, что доброта неестественна, оно бы тогда неминуемо оказалось на точке зрения Валковского, твердившего, что живучесть зла — в природе вещей и что любой человеческий почин изменить порядок вещей бесперспективен, как и всякая иллюзия. Наконец, перед мыслящим читателем возникает вопрос: если эгоизм естествен для человека, а доброта неестественна, почему тогда Валковский, вопреки его силе, ловкости и победам, ненавистен нам и, наоборот, почему бессильный и пораженный Мышкин нам близок и дорог? Не подлежит сомнению, что человечность — вне Валковских, и, с другой стороны, читатель безоговорочно согласен с заявлением Настасьи Филипповны: «Прощай князь, в первый раз человека видела!» (VI, 156).

Все эти факты свидетельствуют о том, что Достоевский внушает нам другой образ мыслей. Прежде всего, что доброту нельзя измерять аршином природы, потому что она представляет собой не наследство природы, а новое качество человеческого существа, выработанное в процессе исторического развития, в преодолении человеком хищного зверя в себе. Кроме того, страдания добрых не являются результатом их бессилия, тем более не обозначают, что они не могли иначе вести себя в жизни. Ведь поведение Мышкина или Алеши Карамазова не представляет собою их врожденный недостаток или какую-то их особенность, а состояние духа и моральную позицию героев. Человек может свободно определиться в добре, как и во зле. Наконец, для поступков Валковского не нужна никакая сила, тем более не нужно никакое духовное усилие, — достаточно только отдаться власти инстинктов. И напротив, поведение Ивана Петровича, Мышкина и Алеши Карамазова представляет собой подвиг человека в человечности.

Следовательно, от доброты не надо ждать или требовать силы, потому что самый сильный не обязательно означает — лучший. Достоевский внушает тревожную мысль о том, что в человечестве мог произойти регресс, если бы оно равнялось не на этику, а на природу. Доказательством этому служат Валковские и Карамазовы, где наличие максимума природы дало минимум человечности. Они никогда не могут стать идеалом, а, напротив, всегда будут олицетворением того, что надо преодолеть и превзойти. Благородные и добрые герои Достоевского, однако, свидетельствуют о том, что человеческое достоинство лучше подтверждается любовью и самоотверженностью, чем индивидуализмом Валковских или ненавистью и мстостью Рогожиных. Человек, значит, должен стремиться быть человеком в доброте и красоте. В мире Достоевского воплощением добра и красоты являются и дети. Иван убеждает Алешу, что «детки никогда не бывают дуры лицом» (IX, 235). Душа у них невинная, чистая, тем и заслуживает любовь бунтаря Ивана Карамазова. В его аргументации тезиса о несправедливости мира самым веским доказательством служит как раз страдание детей. Достоевский поднимал эту тему еще на заре своего творчества: дети чиновника Горшкова, ожесточенная оскорблениями Нелли, так же как и несчастный Илюша Снегирев и затравленный собаками мальчик, внушали те же самые мысли, которые легли в основу «бунта» Ивана Карамазова: страдания детей не имеют и не могут иметь оправдания, так как «нельзя страдать неповинному». Их страдания приобретают поэтому глубокий смысл, который состоит в раскрытии самой страшной из всех несправедливостей жизни. Творчество писателя не только вызывает сострадание к несчастным жертвам, но в то же время в нем звучит и авторское отрицание мира насилия и беспорядка. В трагизме добра и красоты проявляется мировосприятие Достоевского и его могучий гуманизм, обвиняющий мир, в котором высочайшие ценности жизни ожидает неизбежная трагедия.